

ляет 844 единицы хранения. Описание каждого экземпляра рукописной или печатной книги дано по определенной строго выдержанной схеме, учитывающей как полиграфические, так и палеографические характеристики. В характеристике издания указывается шифр его хранения, название, язык, на котором написано произведение, тип издания (рукопись, ксилограф, подвижной шрифт), количество квонов, датировка, размеры самой книги и печатной рамки, пагинация, количество строк на странице и знаков в строке, запись на сгибе, качество бумаги (с. 34). Такое подробное описание впоследствии даст возможность ученым идентифицировать издания и фрагменты текстов.

Судя по описанию, корейские книги печатались по образцу китайских ксилографов, когда две страницы вырезались на одной доске, затем напечатанный лист сгибался пополам, и листы сшивались в книгу. Вертикальное пространство между досками называется *байкоу*, и на нем печатается сокращенное название, пагинация и «идентификация» доски — «рыбий хвост». По нему можно судить с одной или с разных досок печатались различные экземпляры произведения. Термин «рыбий хвост» — китайский, поэтому я считаю правомерным использовать и термин *байкоу* вместо «на сгибе листа». В описании часто упоминаются сделанные владельцем пометы: «над верхней рамкой» или «под нижней рамкой». В китайской и маньчжурской палеографии используются слова «верхнее и нижнее поле».

В описаниях корейских изданий авторы дают не только типографские характеристики, но указывают на наличие печатей и записей их владельцев, что дает возможность проследить историю книги и ее появления в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ.

В тех случаях когда под отдельным шифром оказывается фрагмент какого-либо произведения, авторы приводят полную характеристику самого корейского произведения и ссылку на «Общий каталог корейских книг» библиотеки Сеульского национального университета или другие опубликованные справочники. Несмотря на то что многие тексты встречаются и в других собраниях, описываемая коллекция содержит еще нигде не упомянутые тексты, например: исторический документ «Обзор событий восьмой луны 504 года со

времен основания династии» (№ 34), географическое «Описание Сонггидонъя» (№ 52), карты Кореи (№ 53, 54), литературные произведения — «Повесть о почтенном Зайце» (№ 62) и роман «Нефрит во сне и пара фениксов» (№ 65) и др.

Рецензируемый каталог снабжен общим указателем имен, общим указателем названий произведений, указателем имен авторов сочинений и указателем названий сочинений. Как объясняют авторы «Описания», первые два указателя (имен и названий) составлены в порядке русского алфавита, однако «элементы в указателях расположены не по стандарту (от слова, записанного кириллицей, — к иероглифу)... а от слова (названия, имени), записанного иероглифами. — к транскрипции названия (в кириллице) и переводу (названия) на русский язык». Такую систему расположения материала авторы объясняют тем, что иероглифическая запись более информативна для международных специалистов, чем ее русская транскрипция и перевод. Такой выбор вполне оправдан, так как каталоги и описания библиотек являются справочным материалом для всех специалистов, работающих в различных странах мира.

Поскольку в «Описании» даны характеристики различных изданий — рукописей, ксилографов и изданий подвижным шрифтом, то было бы уместно добавить указатель по типу издания.

«Описание письменных памятников корейской традиционной культуры», составленное А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьевой, безусловно является большим научным достижением, так как его публикация откроет широкому кругу ученых доступ к фонду корейских письменных памятников, хранящихся в Восточной библиотеке СПбГУ.

Т.А. Пан

Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. Russian Expeditions to Central Asia at the Turn of the 20th Century. Сборник статей. Под ред. И.Ф. Поповой. — СПб.: Славия, 2008. — 244 с.

Научные экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX в. открыли новую страницу в изучении истории и культуры этого региона, который привлек пристальное

внимание европейских ученых из Германии, Англии и Франции. Благодаря экспедициям А. Стейна, П. Пеллио, С. Гедина, Ле Кока, С.Ф. Ольденбурга, П.К. Козлова и многих других исследователей были собраны уникальные коллекции духовной и материальной культуры народов Центральной Азии от древности до нового времени, ныне хранящиеся в европейских и русских музеях и архивах. Все коллекции имеют определенную специфику, которая объясняется целью, временем и местом работы экспедиций. Существует довольно обширная литература по истории и коллекциям, хранящимся в европейских собраниях, но впервые предлагается научный труд о русских экспедициях, сыгравших особую роль в изучении Центральной Азии. Рецензируемая книга является сборником статей, который обобщает сведения об организации и результатах этих экспедиций, а также истории изучения находок и материалов, ныне хранящихся в Санкт-Петербурге в Институте восточных рукописей РАН и Государственном Эрмитаже. Издание является юбилейным и приурочено к 190-летию Азиатского музея — Института восточных рукописей Российской Академии наук, отмечавшемуся всей научной общественностью страны в декабре 2008 г.

Основным достоинством сборника является то, что статьи о подготовке и проведении экспедиций написаны на основе тщательного анализа архивных материалов, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук и Архиве востоковедов. При этом многие из исследуемых документов вводятся в научный оборот впервые в статье И.Ф. Поповой «Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков» (с. 11–39), в ее же статье о Первой (1909–1910) и Второй (1914–1915) Русских Туркестанских экспедициях С.Ф. Ольденбурга (с. 148–175), а также в статьях М.И. Воробьевой-Десятовской «Экспедиция М.М. Березовского в Кучу (1905–1908)» (с. 65–74) и Т.И. Юсуповой «Монголо-Сычуанская экспедиция П.К. Козлова (1907–1909) и открытие Хара-Хото» (с. 112–129).

Рукописи, привезенные из российских экспедиций, в основном хранятся в рукописном фонде Института восточных рукописей РАН, и их изучению посвящены статьи Л.Ю. Тугушевой «Экспедиции в Центральную Азию и открытие раннесредневековых тюркских

письменных памятников» (с. 40–49), С.Г. Кляшторного «Древнетюрские памятники рунического письма из Восточного Туркестана» (с. 50–64), В.А. Лившица «Manichaica в Азиатском музее» (с. 82–87), Е.И. Кычанова «Тангутский фонд Института восточных рукописей Российской Академии наук и его изучение» (с. 130–147). В этих статьях дается история возникновения новых направлений восточной историографии, источниковедения и текстологии — изучение тюркских, манихейских, тангутских рукописей и дуньхуановедение.

Обоснованным является и привлечение к данному сборнику специалистов-хранителей музейных коллекций прикладного искусства, поскольку во время полевых работ ученые собирали не только рукописные тексты, но и предметы материальной культуры. Об экспедиционных находках повествуют статьи Ю.И. Елихиной «Буддийские памятники из Хотана в собрании Государственного Эрмитажа» (с. 75–81) и С.В. Дмитриева, Л.Ф. Поповой «Кашгарская коллекция С.М. Дудина в Российском этнографическом музее» (с. 88–111). Таким образом, читатель имеет возможность ознакомиться с разносторонней собирательской деятельностью российских экспедиций.

Материалы статей зарубежных коллег из Англии, Японии и Китая дают возможность взглянуть на работу российских экспедиций глазами других иностранцев, работавших в то же самое время в Центральной Азии и на тех же археологических и исторических объектах. Эти статьи свидетельствуют о научной кооперации ученых из разных стран и о приоритете научных интересов над политическими разногласиями того времени (статья С. Витфилд «Взаимоуважение в отношениях ученых в период политического противостояния», с. 203–218). Важности такого научного сотрудничества на современном этапе посвящена статья Такаты Токио «Японские исследователи российских коллекций из Центральной Азии» (с. 176–187). О том, как происходило общение ученых в столь отдаленных и труднодоступных местах, наглядно показано в статье И. Галамбоша «Участие Англии в японских исследованиях в Центральной Азии. Роль А.О. Хоббса в третьей экспедиции Отани» (с. 188–202). Безусловно, политика китайских властей в XIX–XX вв. в Центральной Азии способствовала тому, что

большое количества материала было вывезено из страны в Европу, Россию и Японию. Экспедиции, снабженные сопроводительными документами и китайской охраной, беспрепятственно передвигались по стране. Об этом свидетельствуют документы из Архива Синьцзян-Уйгурского автономного района, опубликованные в статье Жун Синь-цзяна «Русские экспедиции и китайские власти в конце XIX — начале XX века» (с. 219–227).

Таким образом, сборник статей «Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века» в полной мере отражает собирательскую и научную деятельность российских ученых. Он снабжен большим количеством иллюстративного материала — воспроизведение архивных фотографий, рукописей, карт, предметов прикладного искусства. Фотографии для издания были профессионально выполнены фотографом С.Л. Шевельчинской.

Следует особо отметить, что книга подготовлена на русском и английском языках и снабжена указателями имен и географических названий. Наличие двух редакций текстов статей позволяет значительно расширить круг читателей. Настоящий сборник является первой книгой, обобщающей основные достижения российских ученых в области собирательства и изучения центрально-азиатских материалов. В нем представлены работы современных петербургских востоковедов и их зарубежных коллег.

Т.А. Пан

Пан Т.А. Маньчжурские письменные памятники как источник по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. — СПб.: Петербургское востоковедение. 2006.

Маньчжурская тематика не является новой в отечественном и мировом востоковедении. В конце XIX — начале XX в. в Санкт-Петербургском университете трудилась плеяда крупных маньчжуроведов, на факультете восточных языков обучались отечественные специалисты по Маньчжурии. Азиатский музей стал хранилищем литературы и рукописей на маньчжурском языке. Широко осуществлялись сравнительные исторические исследования в области тунгусо-маньчжурского и алтай-

ского языкознания. В разное время в силу разных политических причин возрастал интерес к изучению проблем истории империи Цин XVII–XVIII вв., китайско-маньчжурских отношений. Значительно меньшее внимание уделялось изучению богатого собрания маньчжурских письменных памятников и культуры маньчжурского этноса.

Отсюда совершенно очевидно актуальность научного исследования Т.А. Пан, посвященного изучению маньчжурских письменных памятников как источника по истории и культуре империи династии Цин, вследствие того факта, что она, хотя и была маньчжурской, все-таки управляла Китаем, а потому стала объектом исследования прежде всего синологов, которые незначительно, а то и вовсе не учитывали многочисленные ценные маньчжуроязычные источники, особенно после низвержения иноземной династии в период Синьхайской революции и в последующее время. Поэтому давно ощущалась потребность в привлечении именно маньчжурских источников и литературы для полноты и объективности результатов научных исследований.

Знакомство с монографическим исследованием Т.А. Пан позволяет сделать однозначный вывод о том, что в данном случае отечественное и мировое востоковедение, в первую очередь маньчжуристика, обогатилась ценным обобщающим трудом, во всей полноте раскрывшим ценность маньчжурских письменных памятников как важнейшего источника для изучения истории и культуры империи Цин XVII–XVIII вв. Для этой цели Т.А. Пан весьма удачно разработала и определила структуру своей монографии. Прежде всего, следует признать, что она проделала сложную и огромную работу по выявлению в востоковедных хранилищах маньчжурских рукописей и киелографов. Эти тексты, среди которых очень много уникальных, практически впервые в маньчжуроведении столь широко вводятся в научный оборот.

Рассмотрев историю формирования и изучения маньчжурских текстов, хранящихся в Институте восточных рукописей РАН, Национальной библиотеке и Музее Гиме в Париже, Т.А. Пан, привлекая громадный фактический материал, подробно характеризует маньчжурские источники по истории династии Цин, по профессиональной ситуации,